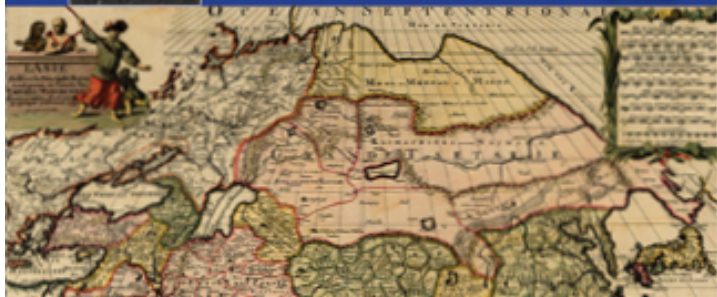

Василий Ян

Молотобойцы

ФТМ

Василий Ян Молотобойцы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=144049

Аннотация

Историческая повесть известного советского писателя В. Г. Яна (Янчевецкого) «Молотобойцы», написанная в 1933 году, рассказывает о начале железоделательных заводов на Руси.

Содержание

Часть первая	4
1. Сельцо веселые пеньки	4
2. Отослать на завод семьдесят работных людей	8
3. Крестьяне сбежали	15
4. Мирской повальный сход	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Василий Ян Молотобойцы

Часть первая Непокорные

*Бунт – не перцу фунт, а живет горек.
Старинная пословица.*

*«Дабы те деревни всегда были уже при тех
заводах неотложно, чтоб особо без заводов отнюдь
крестьян никому не продавать и не закладывать и
никакими вымыслами ни за кем не укреплять...»
Из указа Петра I*

1. Сельцо веселые пеньки

На склоне холма, омываемого с одного края прудом, раскинулось сельцо Веселые Пеньки. Трудно сказать, почему это сельцо получило название веселого и какие и от чего остались пеньки. Но сельцо это входило в поместье братьев Ивана, Яна и Гаврилы Семеновых детей Челюсткиных, пожалованное «великим государем» еще деду их Матвею Челюсткину за услуги, оказанные им боярам Романовым при

захвате московского престола.

Часть поместья была отдана на оброк, по двенадцать рублей в год, иноземцу Петру Гаврилову сыну Марселису, впредь на двадцать лет с тем, что «повольно ему, Петру Марселису, и детям его на той земле заводы завести железного дела и строить, что они похотят, и в поместном лесу хоромянный и дровяной всякой лес сечь». Но в этом сельце иноземец Марселис железных заводов не строил, а только пользовался лесом.

Сельцо было похоже на другие деревни Серпуховского уезда: потемневшие курные¹ избенки, покрытые побуревшей соломой, растасканные плетни вокруг скудных огородов с горохом, репой, луком и хмелем. Оконца задвинуты доской или затянуты брюшиной. Плакучие березы и рябины склонились, как от похмелья, над непросыхающей лужеи, где завалилась длинная тощая свинья с пестрыми юркими поросятами. Далее за огородами прижались круглые одонья² ржаных снопов с острой обвершкой, и за гуменником расползлись густые конопляники.

По хребту холма протянулась господская усадьба, огороженная частоколом. Из-за него выглядывали коньки и гребешки крыши «шатром», крытой дранью, и покосившийся теремок с переливающимися на солнце слюдяными оконцами. Сквозь раскрытые ворота алело расписное деревянное

---

¹ Курные – «черные» избы с печами без трубы, дым выходит через дверь, окна.

² Одонья – группы круглой кладки хлеба в снопах, с обвершкой снопом.

крыльцо, а перед ним красовалась круглая садовая куртина с шиповником, маками и красными пионами.

Владельцы поместья редко наезжали в эту усадьбу, где постоянно жил их доверенный, приказчик Меренков, следивший за порядками и благочинием прикрепленных к земле крестьян, плативших господину оброк и зерном, и яйцами, и холстиной, и куделью, и ягодами – всем, что Меренков сумел из них выжать.

Во дворе усадьбы стояли избы «белые»³ с кирпичными трубами на крыше, конюшни, скотный хлев, сарай, погреб с надпогребицей и различные клетки.

Длинный извилистый пруд зарос по краям камышами, где перекликалась болотная птица. Середина пруда давно бы затянулась сплошной тиной и желтыми кувшинками, если бы стада гусей и уток не плавали целый день, чувствуя себя там неприступными; к осени многие стаи совсем дичали, и за ними гонялись уже по льду.

В том месте, где пруд заворачивал дугою и переходил в болото, на берег забралось несколько черных бань (называвшихся тогда «мыльнями»), хлебные овины, водяная мельница, а дальше за ними одиноко чернела полуразвалившаяся закоптелая кузница старого деда Тимофейки, и возле нее «стан»⁴ дляковки норовистых лошадей.

---

³ «Белые» – избы, где печь с трубой и нет копоти.

⁴ Стан – в нем подтягивают на подпругах норовистых лошадей, не поддающихся обычнойковке «с колена».

С другой стороны к пруду подходила роща с поскотиной – телятником. Через рощу журчал ключ, выбившийся из-под корней старой березы. Далее тянулся ряд полянок, где Марселис вырубил «хоромянный» лес. Неподалеку в липовнике прятался пчельник, а за ним роща переходила в бор с вековыми соснами и елями, в котором были разбросаны заимки⁵ крестьян.

---

⁵ Заимка – очищенный от леса участок с избой вдали от деревни.

2. Отослать на завод семьдесят рабочих людей

Ранним солнечным утром из помещичьей усадьбы вышел озабоченный староста Никита и, постукивая длинной палкой, направился тропочкой к курным избам. Из-под остроконечного колпака с собачьим отворотом поблескивали недовольные прищуренные глазки. Он шел мелкой походкой, шаркая широкими сапогами. Около первой избы староста сдвинул шапку набок, опять направил ее, помедлил, махнул рукой и постучал батоном в маленькую оконницу.

– Харька, выглянь-ка на улку.

Ставня отодвинулась, из черного квадрата вырвался клуб кислого пара, и показалось встревоженное лицо старика.

– Чего еще надо, Никита Демьяныч?

– Пройди на скотный двор, к крыльцу Ивана Степаныча. Там узнаешь кой-чего. Баят – Меренков из Москвы отписку получил.

Староста пошел дальше по деревне. У некоторых изб он останавливался, стучал батоном и говорил одно и то же, вызывая мужиков к приказчику Меренкову. Мужики выскакивали босиком и, накинув кожухи, шли гурьбой сзади старосты, спрашивая, что приключилось. Но Никита отмалчивался, уверяя, что сам ничего не знает, а на господском-де дворе все разъяснят.

Мужики собрались перед крыльцом приказчика с шапками в руках и глухо переговаривались:

– От барской отписки добра не жди... Оброк новый накинет, а то, может, надумал и чего похуже...

В стороне сгрудилось несколько баб в цветных сарафанах и красных полинявших платках. С тревогой они ожидали, что грозило их мужьям.

Меренков вышел на крыльцо и окинул цыганскими с желтизной глазами собравшуюся толпу. Рядом с приказчиком стоял другой, неведомый крестьянам человек, рыжеволосый, рябой, в кафтане посадского покроя. К ним присоединился дьячок Феопомпий, с прилизанной квасом косицей. Меренков держал в руках бумажный свиток. Голова его совсем ушла в прямые плечи, подбородок поднялся, и жесткая черная глянцевитая борода прыгала, когда он говорил.

– Детушки, – выкрикивал он высоким сиплым голосом, – господин наш и отец родной Иван Семенович, за здоровье коего мы, его людишки и сиротинушки, усердно бога молим, прислал вот эту самую отписку, что мы нашим великим радением и неоплошно должны помочь царскому делу. Для войны с злобнейшим царем свенским Карлусом и ханом крымским Едигеем нужны пушки, и ядра каленые, и пищали огненные, и другие ратные припасы. Надо этого злодея, и татя, и вора Карлуса от нашей земли отвадить, иначе он сюда придет, избы наши пожжет, амбары повытрясет и поля стопчет. А заводы железные, тульские и каширские, работают доспе-

хи воинские тихо, ослабно; не хватает и черных кузнецов, и добрых рудокопщиков, и углежогов. А потому... – Меренков откашлялся и сунул свиток в руку дьячка, стоявшего с застывшим лицом, прижав веснушчатые ладони к округлому засаленному животу. – А потому в этой отписке наш господин приказал для царского воинского дела отобрать семьдесят крестьян здоровых и к делу охочих и послать их на железные заводы. Нутко, отче Феопомпий, ну-тко, прочти, про кого там помечено по имени и прозвищи... А кого вызывают, детушки, выходи вперед и становись к сторонке особо.

Дьячок, держа свиток близко перед глазами, стал читать слегка нараспев и с остановкой после каждого имени.

– Сережка Дербинский, Ильюшка Корзин, Федька Семерня, Харька Ипатов...

Мужики повторяли гулом произнесенные имена и выталкивали из своей толпы то Серегу – молодого парня, растерянно озиравшегося, то угрюмого, худого, со впалой грудью Федьку Семерню, то старого низкорослого деда Харьку Ипатова.

Вызванные отходили в сторону.

Затихшие было крестьяне начали громко перешептываться:

– Небось Никита своих сродственничков и шабров⁶ обошел, пожалел. Это все Никита подбирал, на кого про-

---

⁶ Шабёр – сосед, приятель.

зьябь⁷ имел.

Меренков объяснял своему рыжему соседу:

– Видишь, Петр Исаич, какие все добротные мужики, молодец молодца краше. Могутные, спористые работнички будут. Вот этот долговязый, вихрастый – сапожник, Митька Бахила, починивает худые мехи с большим искусством, и жалованья ему никакого хозяйского нет, кормится своим мастерством. А вот этот – верно, что носом кирпатый, – Федосейка Стрелок. Да не в лице его сила, – смысл имеет и мужик исправный. Ездил он каждый месяц к Москве на двор господина нашего Ивана Семеныча с письмами, а с Москвы обратно – со всякою ведомостью и ничего не растеривал...

Петр Исаич откашливался, вертел головой и говорил, что когда ножные железы на всех наденут, то он должен еще каждого осмотреть, нет ли какого ущерба: все ли пальцы на руках, не течет ли из ушей, не перхает ли, как баран. «Дело ведь хозяйское, работать придется с великим радением и большим поспешением». Так он и боится, чтобы не увести с собой ленивца, который будет хлеб хозяйский есть, а бестолковщину плесть.

Однако крестьяне уже не стояли молча. Волнение их усиливалось. Кривоглазый Харька Ипатов протиснулся вперед и обратился к приказчику:

– Ты куда же хочешь нас отослать? На завод?.. Мы к этому согласия нашего не даем.

---

⁷ Прозябь – умысел.

– Не даем! – поддержала многоголосая толпа.

– Мы хлебопашцы, привыкли около землицы ходить, нам заводская работа несподручна. Никуда от нашей пашни не уйдем, сколь бы ты нас не улещивал или страшил казнию.

Меренков пробовал уговаривать, грозил, что отдерет упорствующих шелепами,⁸ и подмигнул холопу Силантию, чтобы тот запер усадебные ворота. Высокий Силантий, прозванный «катом»,⁹ направился к воротам, но это еще более распалило крестьян.

– Ребята, гляньте, ворота запирают. Айдайте скорее по избам! – крикнул Харька Ипатов, и вся толпа, шлепая босыми ногами, побежала к воротам, отбросила Силантия и в клубах пыли понеслись по дороге. Меренков смотрел на мелькавшие пятки и чувствовал, что он не так повел дело, как надо.

Вернувшийся от ворот Силантий тащил в своих медвежьих лапах упиравшегося старого Харьку Ипатова. Меренков хрипел от злости:

– Тащи его, подлеца, на конюшню. Заклепай ему ножные железы. Это ты бунтарь, Харька, заворовал¹⁰ всех крестьян против нашего благодетеля, да и против царского повеления готовить ратные припасы. Ты против великого государя идешь.

Харька, стараясь вырваться из цепких рук Силантия, кри-

---

⁸ Шелёп – плеть, кнут.

⁹ Кат – палач.

¹⁰ Заворовал – устроил мятеж.

чал:

– Чего мне, старика, держишь? Ты других, помоложе, держи! Чего мне царем попрекаешь? Я против царя не заворовал и ничего судного не говорил, а ты крестьян на заводы зашлешь, земли их продашь, – мы без земли и останемся. Знаем мы, какие на заводе ратные припасы готовятся: не пищали, а сковороды. И не для великого государя ты распляешься, а для-ради господской ручки, чтоб тебя по рылу погладила.

– Молчи лучше, брешешь на свою голову, – шептал Силантий. – Он с тебя за такие слова шкуру сдерет.

Харька Ипатов разошелся и, высвободив одну руку, потрясал кулаком, тыча в сторону приказчика.

– Однажды послал наших ребят на заводы и тоже тогда говорил, что только до покоса. А на заводе они и от работы, и от квашеной рыбы дохнуть начали. Коней больше ты жалеешь, чем людей.

– Двадцать плетей ему, – спокойно сказал Меренков. – В погреб его сбросить.

Но тут появился паренек в простой рубахе, посконных портах и лаптях. С перевальцем отделился он от амбара, где стоял в сторонке, подошел сзади к Силантию и схватил его поперек пояса. Изумленный Силантий, оглядываясь, кто его держит, закричал:

– Ты чего? Что, как рак, вцепился? Не балуй! Брось, говорю!

Но паренек оттолкнул его, схватил Харьку Ипатова за рукав и быстро потащил за собой к воротам.

– Разбой! Разбой! – вопил с крыльца приказчик Меренков. – Держите его, детушки, вяжите ему локти!

Холопы с разных сторон побежали к светловолосому парню, стараясь загородить ему путь к воротам, но тот, расталкивая толпу, уже открывал ворота.

– Это Касьян – молотобоец из кузни Тимофейки.

Силантий раньше тоже был молотобойцем, но променял это дело на доходную роль помещичьего ката. Его обязанностью стало стегать кнутом крестьян по приказанию господского приказчика. Увидев, что Касьян разъярился и схватить его не легко, Силантий отбежал в сторону и, размахивая охотничьим ножом, кричал на холопов:

– Чего стоите, дурни? Спустите с цепи кобелей. Не выпускайте баламута.

Два холопа, пытавшиеся закрыть ворота, повалились, сшибленные Касьяном, и молотобоец со стариком проскочили в ворота. Они бегом спустились с холма и скрылись в ближайшем коноплянике. Из ворот выскочили несколько волкодавов и, заливаясь хриплым лаем, помчались по деревне.

3. Крестьяне сбежали

Приказчик Меренков был и взбешен и смущен внезапным бегством крестьян. Приказ господина его, Ивана Семеновича Челюсткина, говорил: «Спешно, без мотчанья,¹¹ передать семьдесят крестьян приехавшему одновременно с письмом тульскому посадскому человеку, Петру Исаичу Кисленскому». Кисленский был доверенным приказчиком нового тульского железного заводчика Антуфьева, подыскивавшего работных людей. Деньги обещал заплатить без задержки, сразу после передачи.

Меренков чувствовал, что не так повел дело, и приказчик Петр Исаич ему то же самое выговаривал.

– Погорячился ты очень, с мужиками так нельзя. Иной мужик, как бык, куда хочешь его погонишь. А иной, что конь с норовом, – закинется перед лесиной и топчется, хоть убей.

Меренков увел Петра Исаича в избу и усадил под киотом с образами на лавочке, затянутой сукном.

– Ты думаешь, с ними сладу не будет? – говорил он. – Напралину говоришь. Сразу они не пошли, так поодиночке переловлю и на веревочке поведу. И не таких прибирал к рукам. И не только я переселю на завод семьдесят человек, а и прочих выведу на другие места и дома их пожгу. Отец Феопомпий, чего стал? Иди садись.

---

¹¹ Мотчанье – медлительность.

Дьячок, почтительно остановившийся в дверях, откашлялся в руку и, придерживая полы длинной одежды, прошел в красный угол и сел рядом с тульским приказчиком.

– Хозяйка вам даст перекусить, – сказал Меренков, – а я пойду по деревне и поговорю с мужиками. Когда гилем¹² сойдется, небось они задорны, а когда я с глазу на глаз с каждым поговорю, – куда и прыть их денется.

Хозяйка, в белом платке, в красной рубахе до пят, в подбитой мехом лазоревой телогрейке, показалась в дверях. Она несла деревянный поднос, на котором стояла баклага с пенником,¹³ круглые пшеничные калачи, пирожки пряженые,¹⁴ начиненные рыжиками и рыбьими молоками, и большие «приказные» оладьи с медом.

Хозяйка поклонилась гостям в пояс и, поставив поднос на стол, удалилась. Меренков налил три чарки; все выпили пеннику, тыча двухзубыми вилками в закуску.

– Чтоб дело вышло удачно, – сказал Меренков, вытирая губы, и вышел из избы.

Он спустился к деревне, сопровождаемый Силантием, старостой Никитой и несколькими холопами. Силантий засунул за пояс кнут, чтобы в случае надобности отстегать на месте дерзких против господина крестьян. Однако, окликнув несколько изб, Меренков убедился, что почти вся дерев-

---

¹² Гилем – толпой.

¹³ Пенник – крепкое хлебное вино.

¹⁴ Пряженые – жаренные на масле.

ня убежала в лес, остались только глубокие старики и хворые старухи, которые выползли на завалинки и, приставив руки к глазам, вглядывались в приказчика, стараясь разузнать, что случилось и почему произошел такой переполох.

Тогда Меренков, еще более взбешенный и в то же время встревоженный, что начинается непослушание и бунт, вернулся обратно в усадьбу. За скорую передачу крестьян Петр Исаич посулил ему, что без «благодарности» он не останется, а теперь придется принимать особые меры, успокаивать и усмирять крестьян, да еще все это время щедро кормить у себя тувльского гостя.

Он поднялся в свою избу, где Петр Исаич и дьячок Феопомпий усердно разделявали жареную печенку с луком.

– Нужно надежного человека послать к бунтарям, – сказал Меренков, смотря на Феопомпия. – Эти собачьи дети ушли недалеко, наверно, собрались в роще за поскотиной и там лясы точат, как бы от господского приказа отвертеться. Отче Феопомпушка, ты бы к ним сходил, они тебе, как на духу, все свои помыслы расскажут.

Феопомпий, опустив глаза, переплел на животе пальцы рук и вздохнул, огорченный, что ему придется оторваться от стоявшего на очереди политого маслом пирога.

– Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых... – сказал он со вздохом, еще надеясь остаться.

Меренков тоже, видимо, понимал кое-что в церковном деле и ответил:

– А не сказано ли в книгах: «Всякая душа властем держащим да повинуется»? Живо, живо, отче!

Феопомпий склонил голову набок, перекрестился на образа и вышел из избы.

4. Мирской повальный сход

В роще за поскотиной, где свалены бревна на постройку господских хором и амбаров, сбежались на «повальный» сход пеньковские мужики. За ними потянулись сюда и бабы. Всех встревожила весть о новом господском приказе. Надо было решить, что делать дальше, если половину сельца господская воля хочет заслать на завод. Все знали судьбу «ровщиков» руды, углежогов и плавильщиков – обратно их к пашне не отпускали, а самовольно ушедших ожидали плети и дыба.

Мужики расположились на бревнах. Часть сидела прямо на кочках. Между мужиками шныряли ребятишки, затеяв возню из-за щепок. Впереди на пне сидел Самолка Олимпиев, – он приторговывал, скупал у крестьян пеньку и лен и возил на ярмарку в Каширу и Серпухов.

Самолка гордился своей мощной, многие ему из года в год должны, а потому он считал себя вправе поучать других. Закатив глаза под лоб и водя рукой по воздуху, он с растяжкой говорил, что «не след противиться господскому приказу, что за непослушание и огурство¹⁵ по шерстке не поглядят, а все одно на заводы приволокут в железах, только сперва изобьют палками».

– Как ездил я на ярмонки, сам слышал, что в деревнях и

---

¹⁵ Огурство – упрямство, леность, отлынивание от работы.

Мокроусовой, и Дубле, и Соломыковой, тако ж было, и ничего крестьяне упорством не добились, а только еще невинные пострадали.

Первыми дали ему отпор бабы. Перебивая друг дружку, кричали:

– Ужо закатил глаза, запел свою песню. Чего бахары¹⁶ разводишь? Тебе-то что? Тебя на завод не засылают, тебе и не беспокойно. Ты живот растишь и на господскую сторону хочешь весь сход погнуть.

– Нам Самолку слушать не след, – поддерживали крестьяне, сидевшие на верхних бревнах. – Ты с приказчиком в думе и не по его ли научению поешь? Пускай Самолка помолчит. Послушаем, что скажут те, кого староста вписал в список.

---

¹⁶ Бахорить – болтать, бахвалиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.